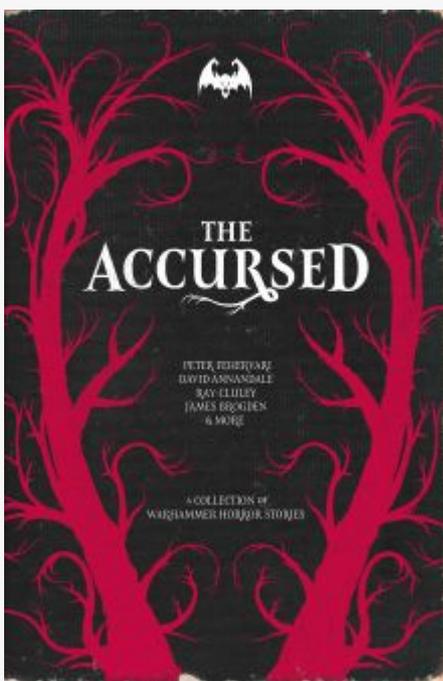


"Император Гладио" / Imperator Gladio (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

"Император Гладио" / *Imperator Gladio* (рассказ)



Автор	Ричард Страчан / Richard Strachan
Переводчик	Brenner
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Проклятые / The Accursed The Black Library Event Anthology 2019/20
Год издания	2020
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Ночью было холодно, и от соляных топей еще не пахло, когда взошли два солнца, одно из которых отбрасывало бледный ореол, окутывавший первое огнем. Издали доносился шум беспорядочной канонады батарей «Василисков», а на другом конце транспортного парка потрепанные танковые взводы перебирали свои машины, готовясь к отступлению. Капитан Бехеровка убрал инфопланшет в

набедренный карман формы, продираясь через взбитую маслянистую грязь. В глубине живота клубком свернулся страх. Тот уже стал старым другом, которого сильно недостает в его отсутствие.

Капитан вытянул подрагивающую руку и сжал ее другой. А затем, когда он обогнул линию «Химер», на фоне раскинувшихся соляных топей из тумана проступила громада. Будто скальный выступ, подумалось ему, или сложенные штабелем базальтовые плиты, остывающие на вулканической равнине. Камуфляжная окраска облезла, обнажив угрюмый черный металл. Бехеровка затаил дыхание, приближаясь с почтением и страхом.

«Император Гладио»... Казалось, он идет к храму, примитивной дани уважения какому-то ужасному, мстительному божеству.

Главное орудие тянулось вперед, словно выставленный напоказ меч. Под ним блестела окалиной пушка «Разрушитель». «Гибельный клинок» щетинился вспомогательным вооружением: лазпушками, тяжелыми болтерами, тяжелыми огнеметами, тяжелыми стабберами. Тут не было ничего легкого или созданного для иной цели, нежели тотальное уничтожение. Машина являлась самым мощным оружием в распоряжении Зентральского 77-го полка Бронетанковых Драгунов, но оказавшись рядом с ней, Бехеровка чувствовал лишь как внутри беспорядочно шевелится тот ужас, как на него тяжело наваливается судьба.

«Гладио»... В полку не было ни единого члена экипажа сверхтяжелых танков, кто бы не боялся этого названия.

- Нам нужна уверенность, что вы годитесь для этой работы, - сказал ему полковник Радецкий прошлой ночью.

- Он хочет сказать, - процедил лорд-комиссар, - не сломаетесь ли вы? Кошмары, травма... Мы можем на вас полагаться, капитан?

Командирская палатка была заплесневелой и душной, ее резко освещала сфера люмена, трепетавшая над столом с картой. Обильно исправленная схема отображала фронт на грани коллапса - позиции пехоты захлестывали атаки культистов-смертников, встречные клинья бронетехники разбивались о несокрушимую оборону. Архивраг наступал повсюду. Вся кампания стояла на краю пропасти.

- Да, - произнес Бехеровка со всей уверенностью, какую смог собрать.

- Группа разведки нашла его четыре дня назад, - сказал Радецкий. - Прошлой ночью его вытащили, отремонтировали, перевооружили. Насколько мы можем судить, он полностью исправен. Трон свидетель, нам нужны все преимущества, которые мы в силах получить.

- План задания передадут на ваш планшет, - сообщил комиссар. - Дать передышку, оказать подкрепление, сопротивляться. Не отступать.

- Я знаю службу, - ответил Бехеровка, а про себя подумал: *«Самоубийственное задание. Да еще и „Гладио“»*. Что ж, однажды это должно было случиться. Почему бы и не сейчас, когда все остальное, похоже, уже потеряно. Его охватила странная бесшабашность, и он добавил: - Проклятый танк для проклятого человека.

В ходе кампании по умиротворению Валгаастского фронта «Гибельный клинок» отправляли на задание шесть раз. После каждого возвращения к нему, словно ракушки к корпусу корабля, липли все новые слухи и легенды. Некоторые говорили, что первый славный лейтенант, кто повел его в бой, умер в

командирском кресле от внезапного приступа. Только по завершении миссии остальной экипаж понял, что он был мертв уже несколько часов, хотя все это время говорил с ними по воксу... На третьем задании команда погибла, предположительно, от радиационного отравления из-за утечки в реакторе, и еще ходила молва, что в одной вылазке машинный дух «Гладио» обратился против поддерживающего взвода «Леманов Руссов» и полностью уничтожил их, а стрелки никак не могли его остановить. Это действительно был проклятый танк.

- Суеверная чушь, - сказал Радецкий. - Мы расстреливали людей за меньшее. Единственное проклятие - это нехватка у нас надежных деталей для ремонта.

- Осторожнее, капитан, - прошипел комиссар. - Вы сейчас ступаете на зыбкую почву.

Бехеровка застегнул шлем и отсалютовал.

- Лорд-комиссар, вы разве не слышали? Я специалист по зыбким почвам.

Приближаясь к экипажу, он сознавал, как, должно быть, выглядит - истощенный, поблекший, похудевший примерно на шесть килограмм и с нервно подергивающимся глазом. Лейтенант Ковар, его заместитель и главный стрелок, поднял взгляд и кивнул. Стийн, водитель, на лице которой вечно были отметины от черной оправы очков, лениво отсалютовала.

- Пришли присоединиться, капитан? - поинтересовалась она. - Путешествие проклятых...

Они все чувствовали, как в их разум скребется это проклятое место - бескрайние пустоши топей, глухая мгла и безлюдный туман. Экипаж пытался скрыть это под черным солдатским юмором, но они ненавидели этот фронт так же сильно, как и капитан.

Команда была собранной наспех, где-то на четыре человека меньше, чем требовалось в «Гибельный клинок». Они задержались на краю его тени. Некоторые поигрывали костяшками пальцев, другие по цепочке передавали палочки лхо и спорили насчет того, где лучше брать нелегально перегнанный амасек. Ковара и Стийн он уже знал, механика Паливо ему рекомендовали. Остальные были ему незнакомы, но инфопланшет сообщил их имена: Зай и Мусил, жилистые близнецы, которым предстояло занять места в спонсонах; Жезек с телосложением огрина, исполняющий двойные обязанности: заряжающего и стрелка «Разрушителя». Сам Бехеровка должен был управлять автопушкой и тяжелым стаббером. Бардак - хуже, чем бардак - но иных вариантов у них не имелось.

И все они знали его репутацию: капитан Галидар Бехеровка, который провел четыре дня на дне соляных топей, дыша в пузыре затхлого воздуха, пока вокруг тонула в грязи команда его «Грозового меча».

Он тихо пробормотал вступительные слова боевой молитвы Драгунов:

- *Facta non verba...* Не словом, но делом... - Только дело убьет его страх. - По местам!

В нише оссуария у стены почестей пусто ухмылялось семьдесят три черепа мужчин и женщин, входивших в экипаж «Император Гладио» до них - по крайней мере, тех, кого сумели найти. Бехеровка коснулся рукой самых старых черепов, кости которых почернели от времени и покрылись коркой пыли от выхлопа машин. Он включил терминал рядом с командирским креслом и изучил загруженные планы. Мультиотопливные двигатели мощно бурлили, разогревающийся реактор издавал громогласный рев, от которого дребезжали зубы. Вспотевший Жезек, уже снявший рубашку с мускулистой груди, крепкой,

словно бронезилет, устраивался возле склада боеприпасов на нижней стрелковой палубе. Зай и Мусил сигнализировали из спонсонов; ремонт проводился второпях, и для того, что обычно было автоматизировано, требовалось участие экипажа. Паливо подтвердил, что силовая установка запускается плавно, ну, или насколько он мог от нее этого ожидать.

- *У нас нет техножреца?* - передал он по воксу. - *И адепта тоже?*

Сеть затрещала, и его слова сопровождали странные рулады. Бехеровка поглубже вдавил бусину в ухо, усилив мощность вокс-системы на командном терминале. Глянул в проход, ведущий с артиллерийской палубы в машинное отделение. Паливо поднял руку.

- Нет, - подтвердил капитан. - Когда он попытался подключиться прошлой ночью, что-то пошло не так, нейронное выгорание. Машинный дух тут вспыльчивый.

- *Говорят, да... Ладно, справимся,* - беспокойно отозвался Паливо. - *Но все равно плохая примета.*

- Не бывает никаких примет. - *«Еще как бывают».* - Нам оказана честь управлять этой почтенной машиной, но не будем делать вид, что с ней нет... своих сложностей.

Из водительской ячейки вклинилась Стийн:

- *Сколько раз его уже вытаскивали?*

- Шесть, - сказал Бехеровка. - Сейчас седьмая миссия за эту кампанию.

- *Мое счастливое число!* - воскликнула она, прибавляя обороты двигателей. Затем все ощутили: «Гладио» дернулся перед, придя в неумолимое движение. - *По крайней мере, выясним, что на самом деле случилось с другими ребятами!*

- Хватит, - произнес Бехеровка, усилием воли прогнав дрожь из голоса. - Слушайте, я не всех из вас хорошо знаю, а некоторых не знаю вообще. Но у всех нас есть работа, и я знаю, что мы можем ее выполнить. Верьте в свои пушки, солдаты, и чтите милость Императора. *Facta non verba.*

Он глянул в смотровые башенки и увидел, что в чистом воздухе клубится туман. Кобальтовое небо сдавалось туче.

«Не вода, не грязь, - взмолился он. - *Пусть будут огонь и гром, но прошу, Император, не дай мне снова умирать вот так».*

Они проехали час, уверенно скрежеща по пересеченной местности на краю соляных топей, пока не достигли первых гряд Горок. Огибая их по широкой дуге с восточного края, они оказались на низких предгорьях, где свет двух солнц ослепительно блестел в золотистой траве, из-за чего незаметные луговины выглядели огромными зеркальными пластинами расплавленного песка. С более высоких вершин Горок катились полосы тумана, залегавшего в ложбинах и долинах. Экипаж выходил на связь каждые несколько минут, сообщая показания сенсоров или когитационные данные с автописцов в задней части корпуса. Бехеровка переместился с главной палубы в смотровую башенку турели, где можно было сесть в запасное командирское кресло. Ощущение замкнутого пространства, погребения глубоко внутри танка, было для него невыносимым. Здесь, где прямо над головой находился основной люк, хотя бы казалось, будто спасение совсем рядом. Болота за Горками были мрачной трясиной, стылой и тоскливой.

Он засекал на экранах авгуров сигналы-призраки, но после переключения на тепловизор те затрепетали и исчезли. До фронта как будто было очень далеко, хотя они направлялись прямо к нему.

- Холодно, - через какое-то время передала по воксу Стийн. - Кто-нибудь еще заметил? Такое ощущение, что у нас тут на десять градусов упало.

Внизу Жезек порылся в шкафчике и достал свою рубашку.

- Чертовски холодно, - отозвался он.

- Паливо, слышишь? - произнес Бехеровка. - С системой обогрева какие-то проблемы?

Вокс шипел и трещал.

- Кто-нибудь меня слышит? Трон побери эту штуку... - пробормотал он.

В сети раздался пронзительный визг, и все с проклятиями выдернули из ушей зациклившись бусины вокса. Бехеровка выронил свою, словно она была обжигающе-горячей.

У Жезека из уха текла кровь, а Паливо вопил что-то неразборчивое из кормового отсека. Бехеровка слез по лесенке из башни на стрелковую палубу и посмотрел в проход. В проеме люка виднелась верхняя половина механика, что-то жестикулировавшего на фоне чудовищного рева «Гибельного клинка». Адамантиевые гусеницы скрипели и стонали, с равным успехом давя камни и землю на своем пути. Бехеровка проверил сеть пассивного ауспика, но на мониторе ничего не выскочило. Только тени, призраки, трепещущие сигналы, которые разглаживались и пропадали. Где же фронт? Где все то, что по идее должно было пытаться их убить?

- Жезек, как ухо? - крикнул он вниз. Здоровяк у снарядной полки не обратил внимания, ничего не слыша то ли из-за сгоревшего вокса, то ли из-за ужасного грохота двигателя. Присев на корточки, Бехеровка постучал его по плечу и перешел на боевые жесты. «Загружай полку», - сказали пальцы. Жезек кивнул. Капитан махнул в люк, чтобы привлечь внимание Паливо и подал сигнал перейти на среднюю скорость. Паливо кивнул, но прежде, чем он успел что-либо сделать, двигатели отрубались, и «Император Гладио» рывком остановился.

- Паливо? - произнес он. - Ответь мне, что не так?

- Не знаю, сэр, он не реагирует, он... У меня просто все сдохло.

После апокалиптического рева моторов сверхтяжелого танка внезапная тишина казалась абсолютной, тревожной, по-церковному глухой. Бехеровка снова посмотрел вверх, встретившись взглядом с Коваром. Стрелок безмолвствовал. Жезек замер на корточках возле хранилища боеприпасов.

Оно подбиралось ближе, прижимаясь к его загривку, туго сдавливая желудок. Паника, паралич. «Что мне делать?» - подумал он. Слова замелькали в голове закольцованной передачей, все быстрее и быстрее. Вода плескалась возле рта, заливая иступленные глаза. Вода и грязь, а еще цепкие руки мертвых друзей. *Что мне делать что мне делать что мне...*

- Что мне делать? Сэр?

Это звала Стийн из водительского отсека. Ее голос приглушенно доносился через проем.

- Капитан, управление тут не работает. Что мне делать?

Бехеровка снова резко сосредоточился.

- Жезек, - сказал он. - Заряжай пушку.

Он пытался не допустить дрожи в голосе, но это не имело значения, поскольку сразу после этого здоровяк закричал, и в тишине звук резанул, будто клинок. Капитан посмотрел вниз и увидел, что заряжающий лежит на спине, отползая от хранилища снарядов и отчаянно пытаясь закрыть дверь ногой.

- Там что-то есть! - завопил Жезек. - Какая-то *тварь*, она... Трон, она глядела на меня!

Его вырвало.

Бехеровка почувствовал, как в организм выбросило адреналин. Лицо Ковара было похоже на маску, костяшки пальцев рук на направляющих пушки побелели.

- Капитан! - крикнул Паливо через люк. - Что за чертовщина там творится?

- Не знаю, это... Жезек, вернись ко мне. Что ты видел? Что там?

Бехеровка вытащил свой лазпистолет. Его рука опять тряслась.

Дверца склада боеприпасов неспешно качнулась обратно, скрипнув петлями. Жезек отпрянул от нее. Шестифутовый танкист, у которого бицепсы были размером практически с грудь Бехеровки, выглядел так, словно вот-вот расплечется. Спустившись еще на уровень ниже, капитан приблизился к шкафу и медленно толкнул дверь стволом пистолета.

- Видите? - всхлипнул Жезек. - Что *это*?

Бехеровка опустил оружие и утер со лба капельки пота. Все, что он видел - ряды снарядов для пушки «Гибельного клинка», все с цветовой маркировкой назначения на кончиках. Красная у фугасов, зеленая у бронбойных.

- Ничего, - произнес он. - Там ничего нет.

- Клянусь, капитан, я *клянусь*... а потом оно, оно...

Никто ничего не сказал. Жезек не мог посмотреть капитану в глаза - и все же, *что-то* ведь его напугало, сильно напугало. Бехеровка бегло глянул на нишу оссуария, где были сложены хрупкие от старости черепа. Что *они* видели в свое время?

Тишина внутри танка была почти невыносимой. Некоторые члены экипажей - пожизненно заключенные, навсегда записавшиеся в армию - теряли рассудок, когда не несли действительную службу. Чтобы ощущать себя хотя бы наполовину нормально, им требовался низкий перестук боя, когда сверхтяжелая машина давит землю своими гусеницами. Бехеровка не входил в их число. У него был секрет - пусть и будучи плотью от плоти 77-го, он ненавидел танки. Ненавидел скотскую вонь от солдат, слишком долго запертых в небольшом объеме. Ненавидел ощущение смыкающихся вокруг стен, сочащийся зеленый свет низконатриевых ламп, кислый привкус переработанного воздуха. Ненавидел, всегда ненавидел. А стены становились все ближе.

«Три сотни тонн. Три сотни тонн «Грозового меча» с огромной пробоиной в борту от плазменной пушки, кренящегося в сторону с дороги и проваливающегося в коварную землю. Машина камнем

падает вниз, изрыгая воздух, втягивая внутрь половину соляных топей. Вода волной заликает Хьобо и Даннивера - их крики захлебываются, глаза похожи на черные дыры, вода хлещет по груди и, словно пробку в бутылке, вжимает его в заклинивший люк башни... Император, спаси меня, Император, защити меня!»

- Капитан? - тихо, с тревогой произнес лейтенант.

- Ковар?

- ...что это за шум?

Все началось с малого: что-то украдкой пробежало по борту танка. Последовало мягкое постукивание в верхний люк, а затем ощущение, что на него нечто *давит*.

Приглушенное хихиканье, топоток ног, тишина.

Бехеровка успел прикусить губу. Он почувствовал вкус крови. В руке до сих пор был лазпистолет. Жезек беспокойно посмотрел на него, а затем Бехеровка осознал, что направляет оружие прямо на заряжающего. Он медленно опустил пистолет.

Снова началось с кормового отсека, и они услышали это даже на командной палубе: едва заметное царапанье в наружные теплоотводы силовой установки, шепот голосов - сквозь три фута стали. Капитан наблюдал, как Паливо взглядом проследил за звуком от потолка машинной палубы до угла выхлопного коллектора. Механик посмотрел на него широко раскрытыми застывшими глазами.

- Стийн? - прошипел Бехеровка. - *Стийн!*

- Да, капитан?

Ее голос был пронизан страхом.

- Закрой водительский люк, - сказал он. - Запри нас.

Они глядели на него: Ковар с Жезеком, Паливо дальше по проходу. Так и работает командование, подумал он. Принимать решение, даже если оно неверное.

Он взобрался обратно в резервное командирское кресло и проверил башенки, переключая тепловизор, ультрафиолет, инфракрасный, обычное зрение. Стекло ничего не показывало. Местность вокруг них побелела от опустившегося тумана, по ней мрачно ползли испарения. Не было слышно никакой стрельбы, ни артиллерии или пушек, ни множества лазганов. Архивраг молчал. Ничего. Они застряли.

Казалось, снаружи танка пусто. Шелестящий, суевающийся, постукивающий шум прекратился. Что бы это ни было, возможно, оно сдалось? Не смогло расколоть этот орешек. Переключилось на более легкую... что? Цель? Добычу?

Тишина звенела в ушах. Она ощущается сама по себе, подумалось ему. Давит на человека, создает ему проблемы, треплет нервы. Еще раз глянув напоследок, Бехеровка спустился назад на главную палубу. Двигатели, силовая установка - вот что было важнее всего. Стоит снова привести их в рабочее состояние, и варианты станут яснее. Продвигаться дальше или возвращаться.

- Паливо, - крикнул он в люк, - нам нужно проветрить установку, или перенаправить энергию, или что вы, обезьяны в смазке, там делаете лучше всего. Мы...

Оно уставилось на него с другого конца прохода, и трещина рта разошлась в ухмылке. Оно выглядело, как Паливо. Оно стояло там, как Паливо, и у него было лицо Паливо, но *глаза*... Они были черными как пустота, черными, как глубокая, глубокая вода.

Бехеровка вскинул лазпистолет и опустошил энергоячейку. Шипящий треск синих лучей, ионизирующих зловонный воздух, звучал как гром. Они опалили глаза, но когда капитан проморгался, в проходе было пусто. Несло озоном, а поверх сально накладывался теплый смрад поджарившегося мяса.

Жезек и Ковар бросились на настил, когда началась пальба, а из водительского отсека слышались крики Стийн. Зай с Мусилом колотили в люки спонсонов. Бехеровка просто стоял, выставив перед собой пистолет, ствол которого покрылся глазурью окалины. Сквозь люк он увидел дальше по коридору, ведущему на машинную палубу, искру пламени от выстрела мимо цели, который угодил в выхлопной коллектор.

- Огонь! - заорал он, и экипаж разом среагировал.

Каждый стажер в команде тратил на пожарные учения столько же времени, сколько на тренировки с вооружением. Подоженная машина с запертым люком была ночным кошмаром танкиста - историей, которую рассказывали у лагерного костра, чтобы припугнуть новобранцев. Нет ничего ужаснее, соглашались все. Все, кроме Бехеровки. *Вода. Вода хуже огня.*

Капитан первым пролез в люк, убирая свой пистолет в кобуру. Тварь, которая раньше была Паливо, шипела и исходила паром на полу. Ее лицо представляло собой месиво из опаленного мяса, на месте груди дымилась черная воронка. Капли перегретой крови жирным дегтем разбрызгались по хромированному настилу. Ковар, следовавший за капитаном по коридору, отпрянул и подался назад, бляя на сервисные клапаны. Не обращая на него внимания, Бехеровка выдернул пенный огнетушитель из гнезда и окатил пламя. К запаху мертвечины, обугленной кожи и химикатов примешивалась резкая вонь горелого пластика кабель-каналов.

Ковар утер рвоту со рта и прыгнул на капитана, пытаясь вырвать пистолет у него из кобуры. Жезек низко пригнулся и вылез на машинную палубу, и Бехеровка слышал, как Зай и Мусил пытаются пробиться наружу из камер в спонсонах.

- Вы его застрелили, застрелили! - орал Ковар. - Что с вами не так, вы с ума сошли?

- Ты не видел! Это был не Паливо, это было что-то другое, клянусь. Оно было здесь, с нами. Ты не видел его *глаза*!

Лейтенант крепко держался за рукоятку пистолета, и Бехеровка не мог отцепить его пальцы. Капитан неожиданно выпустил оружие, и Ковар качнулся назад, неуклюже сжимая лазпистолет. Прежде чем он смог выстрелить, Бехеровка вышиб оружие из его руки. Резко ударил предплечьем, слегка приложив Ковара по горлу, и солдат упал, захлебываясь и силясь вдохнуть. Жезек просто обалдело стоял на месте. Бехеровка подхватил пистолет и перезарядил его.

- Говорю тебе, это был не Паливо, - произнес он ровным голосом. - Посмотри на него, Ковар. Посмотри!

Он указал пистолетом на тело. Зай с Мусилом продолжали стучать в свои люки, сквозь сталь приглушенно доносились их голоса.

- Откуда вам знать? - прохрипел Ковар. - Это *вы* на него посмотрите! Вы его хладнокровно застрелили.

- А ты напал на старшего по званию в зоне боевых действий. - Капитан навел на него оружие. - Это тяжкое преступление, лейтенант, казнь прямо на поле боя...

Стоя на коленях, Ковар поднял на него горящие глаза.

- Правду про вас говорят, капитан. Вы лишились рассудка. Умерли в том болоте и уже не вернулись обратно.

«Грязь и мерзость, застоявшаяся вода ползет выше и выше, прилив дошел до подбородка и затек в рот. Он вытягивал шею, едва касаясь пальцами ног ступенек башни, вжимаясь лицом в уменьшавшийся пузырь воздуха. Четыре дня, четыре дня в затхлом мраке, где под ним покачивались мертвые тела его команды...»

Бехеровка упер дуло лазпистолета Ковару в лоб.

- Я вернулся, - прошептал он. - Я прямо здесь.

Казалось, он простояли так несколько часов: Бехеровка держал оружие у головы лейтенанта, рядом застыл Жезек, а на настиле у их ног продолжала дымиться та тварь, что когда-то была Паливо.

«Оно ухмылялось. И оно смотрело на меня... Трон, что же это было? Что творится?»

- Жезек, - проговорил он.

- Сэр?

- Выпусти Зая и Мусила.

И только тут Бехеровка осознал, что те уже перестали барабанить. Подняв взгляд, капитан увидел причину этого - увидел, как сквозь щели под дверями по капле просачивается тягучая кровь - но прежде, чем он успел что-либо сказать, сервочереп над автописцами принялся щелкать челюстью. Пишущие приспособления сфигмографа задрезжали в своих гнездах. Начал разматываться свиток пергамента, перья бешено скребли по листу. *«Когитационные данные, - подумал Бехеровка. - Машинный дух «Гладио» наконец-то сообщает нам, что происходит».*

- Что там написано? - обратился он к Жезеку. Ковар все еще стоял на коленях. - Прочти, что там написано.

Заряжающий повернулся от когитационного стола. Его лицо было белым. Он выглядел подавленным горем, сокрушенным.

- Тут написано... Тут написано: «Убийство».

Сервочереп кудахтающе засмеялся им в лицо.

Лампы на всей машинной палубе замерцали и потускнели, а затем полностью отключились. Суетливый постукивающий звук вернулся, вот только на сей раз он был внутри, с ними - в считанных футах, гнусавый и слюнявый.

- Давайте в передний отсек! - скомандовал Бехеровка. Жезек, двигаясь быстро для здоровяка, нырнул в люк и вскарабкался на командную палубу. Бехеровка навскидку сделал пару выстрелов из лазпистолета, после чего последовал за заряжающим. Ему показалось, что в стробоскопических вспышках лучей он увидел, как из темноты что-то разворачивается: мрачное, изголодавшееся и бесконечно холодное. -

Ковар! Шевелись, оно почти тебя накрыло!

Однако Ковар двигался слишком медленно. Он поднялся с колен и сунулся в люк, но оглянувшись назад, Бехеровка увидел, как его целиком утягивает наружу. Глаза лейтенанта расширились, остекленев от ужаса, рот растянулся для крика, который так и не раздался. Тьма поглотила его, как будто камень канул в глубокую воду.

«Глубокая вода, - подумал Бехеровка. - Глубокая, глубокая вода, воняющая смертью...»

- Стийн! - крикнул он. - Бросай танк, лезь наружу! Спасайся!

Жезек уже успел залезть в башню и со слезами пытался отвернуть замок на люке. На его руках вздулись мускулы, по лицу струился пот, но дверь не подавалась.

- Просто выпустите меня, пожалуйста, пожалуйста, *пожалуйста*, выпустите меня! - всхлипывал он.

Из люка проступила чернота, которая текла, словно тушь, сочась по проходу - вниз, на уровень с боеприпасами, вверх, к подножию башенной лесенки. Жезек заметил ее и завопил, теперь уже колотя по стали так, будто мог пробить себе путь наружу одними кулаками. Тьма побежала по его ногам, и он попытался поджать их.

«Нелепое зрелище, - подумалось Бехеровке. - Такой большой мужчина, свернувшийся в командирском кресле, словно ребенок». Он едва не рассмеялся. А потом увидел черепа в нише оссуария. Каждый из них глядел на него черными глазами, глазами козла. В щелях зрачков плясал черный свет. Бехеровка стрелял, пока энергоячейка не умерла, пока колышущаяся тьма не окутала лестницу и не утянула в себя Жезека. Тот не противился, на его лице было практически умиротворенное выражение.

Под загрузочным лотком автопушки находился приемник для стреляных гильз, а в нише рядом с ним было узкое отверстие, которое вело на водительскую палубу. Капитан стал пробираться через него, обдирая лодыжки о металл.

- Стийн! Я сказал лезть наружу, Трона...

Ее оторванные руки продолжали держаться за ручку спасительного люка. Бехеровка упал в прочие останки.

«Выхода нет. Есть только пузырь воздуха, сжимающийся и становящийся все более и более спертым».

Он полез обратно на командную палубу, но тьма уже поглотила ее. Красные луковицы ламп в проходе мигали в своих клетках, озаряя помещение стробоскопическим светом. Бехеровка торопливо пробрался мимо края тени и скатился в хранилище боеприпасов, мимо шкафа с его скрипящей дверью, мимо стонающего дыхания того, что пряталось внутри, блестя глазами. Тьма лилась дальше, плескаясь в канавках рифления на хромированном настиле пола.

«Почти, почти, почти...»

Он с хрустом опустил рукоятку затвора пушки «Разрушитель», отодвинувшись назад, когда противооткатный механизм провернулся вбок, и казенник распахнулся на усиленных петлях. Перед ним зияло огромное посадочное место. Заглянув в него, Бехеровка увидел на другом конце круг солнечного света, яркого и чистого. Он втянул себя внутрь и полез вверх по трубе. Форма перекручивалась из-за нарезок ствола, который был пыльным и тесным, окутанным запахом тухлых яиц от жженого кордита.

Но это должно было сработать. *Действительно* должно было сработать. Руки были вдавлены в бока, и казалось, будто оба плеча вот-вот разом вывихнет, но упираясь стопами и локтями, капитан мог извиваться, пробираясь по дюйму за заход – мучительно медленно, бесконечно болезненно. Но это должно было сработать.

– Почти на месте, – бормотал он, ухмыляясь свету над собой. – Прошу, Император, прошу, пролей свою милость на твоего праведного слугу и дай мне жить.

Ствол давил на него все сильнее, маслянистый и черный. Бехеровка рассадил лоб о нарезы, и кровь беспрепятственно бежала по лицу. Он попытался шевельнуть руками, но те накрепко застряли. Мышцы плеч выли от потуг взобраться выше еще на дюйм, еще на полдюйма. По икрам пошла рябь судорог. Глаза ослепли от крови и пота. Стены смыкались; пустотелая камера сжимала его, впиваясь в спину, в колени.

Он не мог дышать. Если он поднимал голову, по позвоночнику пробежала жгучая огненная цепь, но если он клал подбородок на ствол, то грудь оказывалась слишком сдавлена, чтобы вдохнуть. Бехеровка делал неглубокие, мелкие глотки воздуха и, словно глядя на себя со стороны, понимал, что начинает паниковать. Ему хотелось колотить руками и ногами, кричать, но он не мог пошевелиться. Черный туннель *стискивал* его крепче и крепче, и дыхание умирало в легких. В ушах стоял безумный рев. Вода поднималась все выше и выше, свет полностью пропал. Он чувствовал, как она плещется у его щиколоток, похожая на лед, и поднимается заморозить ноги, сжать грудь в своих неподвижных объятиях. А потом вода устремилась вверх по стволу, вздымаясь, охватывая его шею. Солоноватое кольцо ползло выше и выше, мягко коснувшись подбородка, рта, носа. Он задержался на самом пределе рассудка, жадно ловя диск воздуха, находившийся сразу над его лицом, и оказался в «Грозовом мече», который сползал вниз, а соляные топи поглощали его, будто камень – *будто камень, брошенный в глубокую воду...*

«*Огонь и гром*», – подумал он. Попытался засмеяться, но смех пропал в воздушном пузыре.

Разведгруппа отыскала «Император Гладио» четыре дня спустя, высоко в Горках. Фронт уже продвинулся дальше, вражеское наступление застопорилось перед лицом непоколебимой обороны 77-го. «Гибельный клинок» был нетронут огнем противника. Он спокойно стоял на земле, огромные алмазиевые гусеницы забились грязью, броню присыпало тонкой осадочной пылью. Молчащая пушка указывала в направлении далекого сражения. От экипажа не осталось ни следа. Дезертиры, сказали некоторые. Достойные люди, которых сбил с пути плохой командир. Капитан Бехеровка всегда был слабым звеном в цепи, еще со времен того происшествия с «Грозовым мечом».

Потребовалось две БРЭМ^[1] «Атлас», чтобы стянуть танк с гряды, и еще неделя дружных молитв, чтобы он вновь заработал. В транспортном парке техножрецы и механики оказали помощь его телу и духу, и уже скоро Драгунам вернули один из их самых мощных активов. Экипаж всегда было нелегко найти, однако полковые офицеры без промедления пресекали любые домыслы. «Гладио» – почтенная машина, говорил полковник Радецкий, это же легендарный ветеран тысячи кампаний! Во имя Императора, ну кто не захочет чести войти в команду такого танка?

И впрямь, соглашался лорд-комиссар. В нише оссуария стоит восемьдесят черепов. Подумайте только – однажды там может оказаться и ваш.

1. БРЭМ - бронированная ремонтно-эвакуационная машина.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=%22Император_Гладио%22 /_Imperator_Gladio_\(рассказ\)&oldid=18017](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=%22Император_Гладио%22_-_Imperator_Gladio_(рассказ)&oldid=18017)

Эта страница в последний раз была отредактирована 3 ноября 2021 в 15:07.